

О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОМПОЗИЦИИ НАДВРАТНЫХ ЦЕРКВЕЙ С ДВУМЯ ПРИМЫКАЮЩИМИ БАШНЯМИ РОСТОВСКОГО КРЕМЛЯ

Около 1670 г. северные главные святые ворота Ростовского кремля (архиерейского двора) были оформлены надвратной церковью Воскресения с двумя примыкающими крепостными башнями. Столь оригинальное композиционное решение по достоинству было оценено современниками. В последней четверти XVII в. данная композиция была использована в оформлении западных ворот Ростовского кремля, а также ворот следующих монастырей Ростово-Ярославской епархии: Ростовского Борисоглебского, Ростовского Авраамиева, Ярославского Толгского и Угличского Покровского. Однако по сей день не найдено убедительного ответа на вопрос об истоках этой композиции.

В литературе сосуществуют две версии о происхождении последней. По одной из них, очень широко распространенной, мастера, строившие Ростовский кремль, взяли за образец композицию надвратной Сергиевской церкви Ростовского Борисоглебского монастыря, якобы построенной в 1545 г.¹ Но, как нами было доказано, указанная Сергиевская церковь с примыкающими башнями была целиком построена в 1679 г.² Значит, все-таки она строилась по образцу церкви Воскресения (около 1670 г.) Ростовского кремля.

Иную версию высказал Н. Н. Воронин. По его мнению, «лейтмотив ансамбля (Ростовского кремля — А. М.) — его высокие надвратные храмы, фланкируемые двумя менее высокими крепостными башнями — был явно навеян двухбашенными храмами дворцов Андрея в Боголюбове и Всеволода III во Владимире»³. Но, по данным самого Н. Н. Воронина, композиция храма Боголюбова к XVII в. утратила свою целостность, а точный облик храмов, сооруженных по заказу Всеволода III, в XVII в. неизвестен⁴. Кроме того, лестничные объемы храмов и крепостные башни — это не одно и то же. И самое важное — непонятно, почему митрополит Иона, от которого, несомненно, как от заказчика, зависело решение, каким быть ростовскому митрополичьему двору, решил ориентироваться на эти постройки.

В настоящей работе мы попытаемся отыскать истоки рассматриваемой композиции.

Еще более двухсот лет назад ростовский архиепископ Самуил Миславский обратил внимание на сходство ансамбля Ростовского архиерейского двора с Московским Кремлем⁵. Вслед за ним многие авторы XIX—XX вв. подчеркивали это сходство⁶. В частности, указывалось и на сходство четырехстолпной шатровой звонницы, возвышающейся над крепостной стеной при надвратной церкви Воскресения, с царской звонницей при Спасской башне Московского Кремля⁷.

В связи с этим укажем, что с XVI в. до конца XVII в. к указанной Спасской башне примыкали две невысокие башни бастионного типа. Неоднократно они изображались не только на чертежах XVII в., но и на иконах второй половины XVII в.⁸. В XVIII в. эти башни-бастионы при Спасской башне были снесены⁹.

Как видим, общее композиционное решение надвратной церкви Воскресения с двумя примыкающими башнями имело значительное сходство с композицией комплекса Спасской башни в XVII в.

Теперь рассмотрим, случайно ли это сходство. Чтобы ответить на данный вопрос, вспомним, что значила Спасская башня для людей XVII в.

«Спасские ворота, — писал С. П. Бартнев, — главные святые ворота Кремля, подобные святым воротам монастырским. Древний Кремль являлся не только светской столицей Московского государства, но и духовной всероссийской православной столицей, будучи средоточием церковного управления и наиболее чтимых в народе святынь—св. мощей, икон, храмов... Вся внешняя жизнь, обрядовая и церемониальная, выходящая из палат наружу и принимающая размеры и обличье общегосударственного, общенародного торжества, соединялись по большей части со Спасскими воротами... При патриархах в крестный ход, 22 октября, иерарх, освятив на Спасской башне воду, шел оттуда по городским стенам, кропя их святою водою. В Вербное воскресенье проход Спасских ворот был устилаем красным сукном, а мост убирался вербами. Патриарх шествовал на осляти за большим вербным деревом к Лобному месту; пройдя ворота, он останавливался на приставленный для сего случая амвон, служил литию пред вратным образом Спасителя и кропил троекратно врата святою водою. В день своего поставления митрополиты и патриархи Московские объезжали город на осляти и при этом читали у Спасских ворот вратную молитву»¹⁰. Кроме

того, в XVII в. Кремль уподоблялся «священному городу Иерусалиму», а Спасские ворота нередко назывались Иерусалимскими¹¹.

Надо полагать, что при таком особом отношении к Спасским воротам, их архитектурные формы в глазах людей XVI—XVII вв. обретали исключительно большое значение.

Многое из вышесказанного относительно Московского Кремля и Спасских ворот с соответствующими поправками может быть отнесено к Ростовскому архиерейскому двору и его святым воротам.

Ростовский архиерейский двор был духовной столицей Ростово-Ярославской епархии, средоточием ее церковного управления¹². По замыслу митрополита Ионы (1652—1690 гг.), ансамбль архиерейского двора должен был символизировать горный Иерусалим¹³. Подобно Спасским воротам, святые ворота Ростовского архиерейского двора являлись главными воротами последнего. Через святые ворота ростовские митрополиты торжественно выходили на соборную площадь к Успенскому собору. Наконец, значительную роль они играли и в Вербное воскресенье. В этот день митрополит от своей крестовой кельи в сопровождении певчих дьяков и подьяков «с лампадою и со святыми» шел через святые ворота на соборную площадь, где совершалось шествие на ослати от расположенной рядом церкви Входа в Иерусалим к Успенскому собору¹⁴. Вряд ли случайно упомянутая церковь Входа в Иерусалим, что под звонницей, расположена относительно святых ворот так же, как собор Василия Блаженного с приделом Входа в Иерусалим относительно Спасских ворот.

И здесь необходимо подчеркнуть, что для митрополита Ионы архитектурные формы Московского Кремля, видимо, имели особое значение. Ведь в 1664 г. Иона стал местоблюстителем патриаршего престола. Возможно, в конце концов он сделался бы и патриархом всея Руси, если бы не известный печальный инцидент с патриархом Никоном, произошедший в Московском Успенском соборе в ночь с 17 на 18 декабря 1664 г., в результате которого Иона был возвращен на Ростовскую митрополичью кафедру¹⁵.

Все вышесказанное заставляет предположить, что митрополит Иона сознательно ориентировал своих зодчих при оформлении главных въездов Ростовского митрополичьего двора на воспроизведение композиции Спасской башни Московского Кремля.

¹ Амфилохий, архим. Ростовские древности. История построения церкви Ростовского Борисоглебского монастыря //Вестник общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее, отдел «Смесь». М., 1876. С. 3; Павлинов А. Древности Ярославские и Ростовские. М., 1892. С. 30; Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 95—96; Безсонов С. В. Ростов Великий. М., 1945. С. 22; Брунов Н. И., Власюк А. И., Каплун А. И., Кипарисова А. А., Максимов П. Н., Чиняков А. Г. История русской архитектуры. М., 1956, изд. 2. С. 128; Баниге В. С., Брюсова В. Г., Гнедовский Б. В., Шапов Н. Б. Ростов Ярославский. Ярославль, 1957. С. 171—172.

² Мельник А. Г. К истории ансамбля Ростовского Борисоглебского монастыря //Актуальные проблемы советской исторической науки. Тезисы докладов и сообщений. Ярославль, 1984. Ч. II. С. 9; См. настоящее издание. С. 83—86.

³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1962. Т. 2. С. 456.

⁴ См.: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961. Т. 1. С. 204—205, 345—494.

⁵ Ростовский архиепископ Самуил Миславский в своих письмах к князю А. Б. Куракину. С предисловием и примечаниями А. Титова. Ярославль, 1905, вып. 1. С. 26, 30.

⁶ Титов А. А. Кремль Ростова Великого. М., 1905. С. 29; Шамурин Ю. Ростов Великий. Троице-Сергиева Лавра. М., 1913. С. 28; История русского искусства. М., 1959. Т. IV. С. 85; Полознев Д. Ф. Отражение в архитектуре кремля Ростова Великого идеологической борьбы в России во второй половине XVII века //Некоторые актуальные проблемы современного научного знания. Тезисы докладов и сообщений. Ярославль, 1983. С. 34—35.

⁷ Шамурин Ю. Указ, соч. С. 28.

⁸ См.: Бондаренко И. А. Красная площадь Москвы. М., 1991. С. 19, 24, 25, 51, 63.

⁹ Там же. С. 83—107.

¹⁰ Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912. Кн. 1. С. 135—136.

¹¹ Бондаренко И. А. Указ, соч. С. 61.

¹² Мельник А. Г. Ростовский митрополичий двор в XVII в. //Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 132—135.

¹³ Мельник А. Г. Сады Ростовского «кремля» //Памятники культуры. Новые открытия, 1990 (в печати).

¹⁴ Берединов Я. О некоторых рукописях, хранящихся в монастырях и других библиотеках //Журнал министерства народного образования. СПб., 1853, июнь. С. 109.

¹⁵ Макарий. История русской церкви. СПб., 1883. Т. XII, кн. III. С. 480, 494—497; Титов А. А. Кремль Ростова Великого. М., 1905. С. 22—25; Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 24—26.